

Татьяна Терещенко

ЛЮДИ
ДОБРЫЕ

Татьяна Терещенко
Люди добрые (сборник)

ТД "Белый город"

2019

УДК 82-3
ББК 84-44

Терещенко Т. Н.

Люди добрые (сборник) / Т. Н. Терещенко — ТД "Белый город",
2019

ISBN 978-5-485-00602-0

В книге, которую вы держите в руках, собраны рассказы на самые разные темы. Их объединяет то, что это истории о хороших людях, верующих и неверующих, живущих по совести, с Богом в душе. В самых разных жизненных ситуациях персонажи рассказов находят достойный выход из положения, и все заканчивается, как правило, счастливо, хотя всегда в конце можно поставить многоточие, – ведь жизнь не заканчивается с окончанием одной из ее историй.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-485-00602-0

© Терещенко Т. Н., 2019
© ТД "Белый город", 2019

Содержание

Люди добрые	6
Не верю – верю	10
Слово	14
Про любовь	18
Природа радости	21
Воспитание	24
О современной молодежи	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Николаевна Терещенко

Люди добрые

© Терещенко Т.Н., 2019

© Издательство «ДАРЪ», 2019

© ООО ТД «Белый город», 2019

Люди добрые

Весной Владимир и Елена, уже немолодая семейная пара, переехали из городской квартиры в свой дом в деревне, как обычно они это делали много лет подряд. Этот дом, построенный своими руками, они очень любили, и деревню любили, и деревенскую жизнь, и природу: лес, реку Которосль, красивейшую из рек, текущую через лес к Волге. Деревня, конечно, далеко от Москвы, в Ярославской губернии, но зато природа здесь девственная, одновременно не чрезмерно ухоженная и не загаженная.

Весна была прекрасна: яблоневые сады в белых облаках цветов, нежная зелень на деревьях, травка перед домом пробивается, тоже нежно-зеленая, и воздух, по-весеннему свежий, чистый, молодой.

Народу в деревне пока мало, только местные жители: дачники еще не съехались. Теперь здесь половина домов принадлежит местным, в основном бабушкам, совсем уже стареньким, а половину скупили дачники из Ярославля или, как они, из Москвы.

Вечером они сидели за ужином, на столе – запотевший графин с водочкой: надо же отметить приезд, – и строили планы на лето. Они решили утеплить свой дом, так чтобы можно было жить здесь с самой ранней весны, как только снег сойдет, и до глубокой осени, опять же до снегов: очень уж надоела московская сутолока. Правда, и работать здесь было удобнее, чем в маленькой московской квартирке – больше места, есть где разместить большую икону, – они занимались иконописанием. А сейчас они именно такие большие иконы и писали – Деисис для храма в Угличе.

Пару дней они убрали дом: надо было все перемыть, почистить, разобрать привезенные из Москвы вещи. И вещи, бывшие в доме, разобрать, что-то из них приготовить на выброс. Елена обычно смеялась: «Мы сначала весь хлам из квартиры в деревню перевозим, а потом – на помойку. Да, хлам должен отлежаться на свежем воздухе, прежде чем уплыть из рук».

Потом пошли работы по саду-огороду. Надо что-то подрезать, что-то вскопать, что-то посадить. Началась обычная деревенская жизнь.

Когда они выбирались на машине в соседнее село или ближайший городок в магазин, Елена обходила всех местных бабушек и составляла список: одной – лекарства, другой – что-то из продуктов, третьей – кой-чего по хозяйству. За зиму, пока помочь им было некому, накопилось много такого, что было нужно: у одной лейка куда-то задевалась, у другой грабли сломались, у третьей весь запас лампочек вышел. И выезд занимал обычно полдня – пока выполнишь все заказы. Зато потом принимаешь благодарности. «Володенька, Леночка, – заливались соловьями старушки, трогательно окая, – какие же вы у нас добрые, да какие же вы хорошие, да как же вы нам помогаете! Вас нам Сам Бог послал».

Чуть позже стали съезжаться дачники. Теперь еще надо вывезти сюда маму Елены – у нее отдельный домик в этой же деревне. А еще и за соседкой и старинной подружкой Татьяной, которой принадлежала соседняя с ними изба, пришлось ехать в Москву: у нее тоже мама совсем старенькая, теперь уже на поезде с ней ехать невозможно, только на машине, а Татьяна безлошадная, ну как ей не помочь?

И так за хлопотами наступило лето. Дочь Татьяны везла к ней на природу внука, – надо встретить поезд в Ростове, привезти их в деревню. Тетю Зою, деревенскую старушку-веселушку, нужно свозить в Ярославль к врачу – стала сильно хворать, а бабу Нину в село на кладбище – навестить родные могилки.

Тем временем и жара приспела. Ну кто, как не дядя Володя, отвезет местную детвору купаться на речку? Ну кто, как не тетя Лена, ходит с ними в лес по ягоды?

Тут еще Татьяна, существо совершенно беспомощное, со своими проблемами: все-то у нее ломается. То холодильник сгорел – надо ехать в Ярославль покупать новый. То электриче-

ство полетело: Елена, которая в этом разбирается, идет и разбирается... А там баллон с газом надо поменять, а там шкаф с места на место передвинуть... Да мало ли что еще!

Вот уже и в огороде кое-что поспело: кабачки, огурчики, клубничка. Надо собрать да отнести тем, у кого ничего своего не выращено: матушке Елены – сама уже огород держать не в силах, москвичкам Татьяне да Светлане, у которой дом здесь же, а она из-за детей, которых у нее пятеро, не может приехать рано весной и посадить что-нибудь.

Ну, наконец-то, выдался свободный денек. Елена полезла в Интернет искать, где можно подешевле купить материалы для утепления полов. Тут приходит бабушка Тамара: люди добрые, родненькие, покосите мне хоть тропку перед домом, а то уже и ходить трудно. Владимир пошел косить. Чего там, тропку? И вокруг дома надо. Когда еще бабушкины родственники приедут да покосят. Тем временем Елена нашла дешевый магазин: ладно, сегодня ты, Володя, устал, поедем завтра.

Назавтра Владимир уже приедется, чтобы в Ярославль ехать. Приходит Марья Дмитриевна, девяностолетняя бабулька: ей дрова привезли, из машины выгрузили посеред двора, перетаскать под навес надо – вечером дождь обещают, дрова намокнут. И не откажешь – совсем старая Марья Дмитриевна, – проще сделать, чем объяснить, что с дровами ничего не случится, а у них сегодня дела. И пошли супруги вдвоем дрова складывать, чтобы побыстрее да повеселее.

И так все Владимира с Еленой зовут на помощь – они же люди добрые, никому не отказывают.

Тем временем и Троица подоспела. Батюшка из села просит Володю помочь в алтаре порядок навести, – мужчин на приходе совсем нет. Да и отпраздновать надо: большой праздник, вся деревня соберется к соседу Саше на веранду. Готовить надо, жарить-парить, опять же в магазин – столько народу будет, да и повкуснее чего-то хочется после поста. Надо ехать в Ярославль за продуктами. Может, и материалы заодно купить? Даже заехали в магазин, посмотрели что да как. Потом решили – сначала продукты. А как отоварились, поняли – не влезут стройматериалы в их машину. Так и не закупили.

Отметили весело: вкусно и сытно поели, выпили, песни пели, потом гулять в лес ходили, дошли до речки – красота.

Ну, как водится, на следующий день Владимир приболел: давление поднялось. Елена за ним ухаживает, поварчивает: то водички, то рассольчику подает, следит, чтоб не вставал, и, не приведи Бог, похмеляться к Саше не пошел, чтобы вовремя лекарства принимал.

Через пару дней, когда уже отдышались после Троицы, позвонил сын Женя: «Папуль, Вовку возьмете?» Вовка – это внук, в честь деда названный. «А то, – тут же соглашается Владимир, – конечно, возьмем», – и поехал в Москву. Заодно Татьянинного внука туда отвез. А из Москвы привез аж двух мальчишек: Вовку и крестника своего Сережу, Вовкиного ровесника и друга. Мать Сережи Света, та, у которой дом здесь же, в деревне, попросила: мол, некуда сына девать, а сама пока не может в деревню выбраться, – ну как тут откажешь? Да и веселее мальчишкам вдвоем.

Прогостили мальчишки почти месяц. Даже когда Света сама приехала, Сережа не захотел в свой дом переселяться, – здесь веселее. И нужно было развлекать детей, занимать чем-то. Елена учила их рисовать, поделкам разным, Владимир на рыбалку водил, всякой мелкой работой по дому, починками всякими с ними занимался – приобщал к труду. Хорошо хоть не пришлось их в Москву везти – Женя сам за ними приехал. И опять же, пробыл в деревне Женя дней пять, – ему отдохнуть хочется, он тоже деревню любит, а выбираться часто сюда не получается. То есть Владимир помогает сыну снарядиться на рыбалку, Елена готовит, стирает, убирает: в доме-то уже пять человек, да и матушку Елены забывать нельзя – старый человек, ей тоже помогать надо. Да еще и иконы между делом писать успевают.

А там сын Татьяны, Антон, тоже крестник Владимира, собрался в деревню со своей молодой женой Катей – полгода как поженились. Приедут дня на три. Приехали. Встретить в Ростове надо, в магазин отвезти надо: шашлыки там и прочее разное, – организовать шашлыки тоже надо. Повзрослевшего крестника они теперь нечасто видят – хочется что-то хорошее для него сделать. И пришло спонтанное решение: а давайте в Толгский монастырь съездим, молодежи красоту покажем! И поехали.

А потом опять в Ростов, – отвезти их к поезду. Ну, теперь тишина, можно и в Ярославль за материалами. Но... Вечером позвонил священник из Углича, отец Димитрий, – для его храма они иконы пишут, – захотел посмотреть, как дело движется. Послезавтра приедет на пару дней, посмотрит, а заодно, может, Владимир и рыбалку организует? И сразу в доме суета, генеральная уборка после всех предыдущих гостей, готовка – все-таки священник приезжает, уважение надо показать, встретить чин по чину. А приехал батюшка и задержался у них, пробыл не два, а пять дней, – отпуск у него, – больно у них тут хорошо...

А тут еще деревенское бедствие – пожар приключился. Напротив их дома, через дорогу, живут ярославские дачники Валя и Витя. Труженики каких свет не видывал. Сад и огород у них образцово-показательные. И вот жаркий августовский полдень сидят Владимир и Елена за работой, и вдруг крик истошный – это Валя на дорогу выскочила и кричит:

– Пожар! Люди добрые, помогите!

Выглянул Владимир в окно, а из-за дома соседей дым поднимается – видно, за домом трава, за жаркое лето высохшая, горит. Елена кинулась мобильный искать, чтобы пожарных вызвать, а Владимир уже на улице – шланг из своего огорода тянет, чтобы воду было поближе таскать, – у Вити колодца на участке нет и насоса нет, они с Валею воду из деревенского колодца на себе таскают. Подтянул шланг, за ведрами побежал, а там с ведрами – туда-сюда: туда с полными, обратно с пустыми. И Елена к нему присоединилась, и Татьяна, и все старушки с деревни сбежались, и дачники, ну, конечно, и сами Витя с Валею. Еще до приезда пожарных огонь потушили. А потом – утешить же Валею надо: часть урожая погублена, сад с обгоревшими стволами деревьев свой образцово-показательный вид потерял. Позвали соседей к себе, чаем напоили, разговорами развлекли.

Так лето и пролетело. Вот уже и осень приближается. Пора урожай собирать, банки крутить – ведь всех друзей-родственников надо будет угостить своими заготовками. Да еще и Татьяну с матерью надо везти в Москву – сами не смогут выехать, а чуть позже – маму Елены.

А там грибы пошли. Надо в лес, собирать, разбирать, сушить, морозить, солить, опять же всех надо будет оделить грибочками – свой совсем другое дело, чем магазинные, ведь у Володи свои рецепты их приготовления.

Осень такая чудесная подоспела, золотая, солнечная. Лес стоит такой, что глаз не оторвать. В деревне тихо – дачники в основном разъехались уже.

Только было хотел Владимир домом наконец заняться, тут погода подкачала – на следующей неделе заморозки ожидаются. Надо уезжать. Они еще сюда выберутся на денек-другой, дела по дому и саду с огородом доделать, розы на зиму укрыть, но об утеплении дома уже говорить не приходится.

И вот вечером, накануне отъезда, сидят Владимир с Еленой за ужином. На столе – запотевший графин с водочкой, – ведь надо же закрытие дачного сезона отметить. Сидят, смотрят друг на друга.

– Ну что, не утеплили мы дом-то, – сокрушенно вздыхает Владимир. – Жаль, могли бы подольше здесь побыть. Как так получилось? Не понимаю. Все лето я дурака провалял. Отдыхал. Дело не сделал.

– Да ладно тебе, – отвечает Елена. – Не расстраивайся. Просто постарели мы немножко, наверное, меньше сил уже. Ничего. Какие наши годы? Еще успеем.

Они посмотрели друг на друга: у обоих изрядное количество седых волос, морщинки у глаз и не только... И супруги дружно рассмеялись.

Не верю – верю

Лешка, шестилетний белобрысый пацаненок, сидел на широком подоконнике в кухне и с тоской посматривал в окно. По стеклу сбегали капли затянувшегося дождя. Хоть и весна на улице, а солнышка все нет и нет. Лешка возил по щербатому камню столешницы новую машинку, сопровождая ее движение звуками, по его мнению, похожими на гудение мотора, но это ему уже порядком надоело.

Гулять сегодня не пустят. Чем заняться?

Вчера был Лешкин день рождения. Вот эту самую машинку подарила ему мама. А папка ничего не подарил! Он пришел с какой-то подработки с пол-литрой и отпраздновал Лешкино рождение сам по себе, безо всякой компании. Теперь, утром, у него похмелье, и он виновато «поджал хвост», как говорит мама, а сама она его пилит и пилит. А еще баба Катя, соседка по их коммунальной квартире, подарила ему книжку. Но какой от нее толк? Картинки он еще вчера посмотрел, а читать Лешка пока еще не умеет.

Одним словом, скукота.

Можно бы пойти к бабе Кате. Но у нее даже телевизора нет. Правда, есть старый-пре-старый проигрыватель, – кажется, так эта штука называется? – на котором она крутит черные пластинки с музыкой. Но это скучно. Разок, конечно, можно посмотреть, как там все работает – крутится-вертится, – но быстро надоедает. И музыка на ее черных кругляшах скучная. Одна пластинка, правда, ему нравится. Баба Катя говорит, что эта музыка называется «Утро». Когда ее слушаешь, и правда представляется, будто солнце просыпается, птички начинают петь, цветы распускаются... Еще у нее много книг, и некоторые с картинками. Но опять же картинки совсем неинтересные, какие-то дяденьки и тетеньки на них нарисованы, и одежда на них странная, а иные и совсем голые, а на некоторых картинках – поля-леса-реки и города. И зачем кто-то все это понарисовал? Нет бы изобразили самолеты или танки. Или, к примеру, комиксы какие-нибудь.

Баба Катя раньше была учительницей, а теперь старая совсем и не работает. И зовут ее по-настоящему Екатериной Евлампиевной. Но Лешке этого не выговорить, и он никогда так ее не называет. Баба Катя сама разрешила мальчику звать ее так – бабой Катей. А все остальные соседи с уважением кличут ее по имени с отчеством.

И мама ее уважает, и папка. Правда, папка, когда выпьет и начинает «куражиться», как говорит мама, то говорит, что баба Катя глупая, в Бога верит, а Бога-то и нет вовсе. А он, папка, артист, что ли? Нет, не артист. Артистом он работал когда-то, а теперь за пьянку его выгнали из театра. А то, что он говорит, что Бога нет, кажется, атеист называется.

Теперь папка только под Новый год работает артистом. Тогда он по вечерам заваливается домой в виде Деда Мороза: в красном пальто с белым воротником и такой же красной шапке. Попервоначалу Лешке это нравилось, было весело, но потом надоело, потому что этот Дед в красном приходил совсем пьяным и противным, еле на ногах держался и нес всякую чепуху, и мама сердилась и выискивала у него по карманам мятые бумажки – деньги.

Лешка пошел было к бабе Кате, дернул за ручку – заперто. Ага, ведь сегодня воскресенье. Баба Катя всегда в церковь по воскресеньям ходит. Понурившись, он поплелся к себе. Приоткрыл дверь, сунулся в щель. Отец нудно выпрашивал у мамы денег на опохмелку, а мама не давала. Лешка повернул назад.

Тут открылась дверь на лестницу, в подъезд, – это вернулась баба Катя. Лешка оглянулся. Она стояла в дверном проеме с черным зонтом-тростью в руках, на котором блестели капли, не успевшие скатиться с него, и была она необыкновенно красива, – если, конечно, можно такое сказать о старушке: волосы прикрывал голубой воздушный шарф, а лицо почему-то светлое-светлое.

«Ух ты, – подумал Лешка, – прям как солнышко в голубом небе. Вот бы на улице щас так светило».

Баба Катя прошла в свою комнату. Лешка увязался за ней.

– Что, Алеша, скучаешь? – снимая пальто, спросила баба Катя. – Извини, дружок, вот сядь пока на диван, посмотри книжку, а мне помолиться надо.

– А ты зачем молишься? – спросил мальчик.

– Да вот причастилась я сегодня, Бога нужно поблагодарить, – ответила баба Катя. – Сегодня, например, я Бога благодарю, а иной раз прошу Его о ком-нибудь, а порой и для себя что-то прошу, а иногда и просто рассказываю Ему свои новости. Вот тебе, например, не очень интересно меня, старую, слушать, перебиваешь меня, споришь. А Он слушает внимательно, никогда не прерывает, утешает, если надо.

– А я в Бога не верю-у-у... А Бога нет, Бога нет, Бога нет вовсе, – кривляясь, нараспев затянул Лешка. Таким дурным голосом он обычно дразнил девчонок в детском саду.

Старушка посмотрела на него, грустно улыбнулась и ничего не сказала. Она повернулась к иконе, стоявшей в углу на полке. Про эту икону баба Катя всем рассказывала, что она очень старая... нет, она говорила не так, она говорила: «старинная и очень ценная». Больше ничего ценного у нее нет, кроме этой иконы, ничего за долгую жизнь не скопила, ничем не обзавелась, – говорила баба Катя.

Лешка уселся на диван. И тут ему вдруг подумалось: а вдруг все-таки Бог есть. А что, если Он есть и у Него можно что-нибудь попросить – ведь баба Катя у Него что-то там себе просит. Вдруг и ему, Лешке, можно...

Мальчик соскочил с дивана и побежал в кухню – при бабе Кате кланяться что-то у Бога было как-то неудобно. Тем паче что он только что выкрикивал, что Его нет вовсе.

Лешка уселся на подоконник, приплюснул нос к стеклу и тихо зашептал:

– Бог, если Ты есть, пусть у меня в кармане сейчас окажется... шоколадка... нет, жвачка... нет, все-таки шоколадка...

Он подождал немного – дал Богу время – и полез в карман: там было пусто. Лешка соскочил с подоконника и со злостью топнул ногой.

– Так я и знал, что Тебя нет, никогда я в Тебя не поверю, – зло прищурившись, прошипел он и поплелся в свою комнату.

Отца дома не было. Ну и хорошо. Никто не помешает мультики смотреть, не будет бубнить над ухом. Он пощелкал пультом от телевизора, ничего интересного для себя не нашел и открыл крышку маминого ноутбука. Попросил маму включить его любимые «Тачки» и прилип к экрану.

Какое-то время спустя к ним зашла баба Катя и пригласила Лешку попить чайку. Он поставил мультик на паузу и побежал к ней.

Старушка накрывала на стол. Поставила две чашки с блюдцами и еще два малюсеньких блюдечка, Лешке и себе, вазочку с вишневым вареньем, тарелку с бутербродами, положила открытую пачку печенья.

Лешка очень любил такие чаепития у бабы Кати. Ему нравилась белая вышитая скатерть на круглом столе, стоящем в середине комнаты, желтый абажур прямо над столом, салфеточки, лежащие около чашек. Он любил разговоры за чаем. С бабой Катей можно было говорить о чем угодно, она всегда внимательно слушала и задавала кучу вопросов, иногда очень неожиданных, и Лешке приходилось долго думать, прежде чем на такой вопрос ответить. Ей можно было рассказывать обо всем: о том, с кем и почему подрался в детском саду, какая воспитательница нравится, а какую с удовольствием довел бы до обморока, и о папке, и о маме, и о бабушке можно было говорить все, что он о них думал. За его дурные поступки, в которых он ей иногда по секрету признавался, она никогда его не бранила, а опять же задавала вопросы, будто хотела докопаться, почему он так поступил. И в результате такого разговора Лешке при-

ходилось признавать, что он был не прав, так не надо было делать или, например, можно было обойтись без драки.

Итак, они пили чай и чинно беседовали. Лешка рассказал, что решил учиться читать – без этого ему стало трудно жить. Интересно же, что на вывесках написано, что всяческая реклама предлагает, да и самому набрать в компьютере название мультика или игры какой-нибудь тоже полезно. А то всегда приходится просить отца или маму. Или вот, например, баба Катя подарила ему книжку, а он ее прочесть не может, опять же надо ждать, когда почитает кто-нибудь из взрослых. И баба Катя предложила ему в этом помогать, если помощь понадобится. Потом он доложил про папкино похмелье, про мамино ворчанье, про свою скуку. Про разговор с Богом рассказывать не стал, а в сотый раз затянул про свои любимые «Тачки», сопровождая рассказ размахиванием руками, подпрыгиванием на стуле и прочими очень помогавшими рассказу движениями.

В этот момент в коридоре раздался шум и в комнату без стука ввалился отец. Он был в куртке, видно, прямо с улицы – на ней поблескивали капли дождя.

– Добрый день, Екатерина Евлампиевна, – неестественно веселым голосом проговорил он: видно, таки добыл денег и уже похмелился. – А не найдется ли у вас рублей триста в долг, я завтра, ну, или послезавтра отдам? – спросил он елейно.

– Нет, Коля, у меня лишних денег нет.

– Ах, нет?.. – глаза его суматошно забегали по комнате.

Он говорил что-то несурзное, что-то объяснял, в чем-то убеждал, а сам тем временем совершал какие-то странные маневры – двигался бочком вдоль стены по комнате. Баба Катя опустила глаза и молчала, о чем-то глубоко задумалась, явно отца не слушая.

И тут случилось такое, – Лешка аж обомлел: отец, добравшись бочком до полки с иконой, схватил ее и сунул под куртку.

– Папа, ты что? – завопил Лешка.

Баба Катя подняла глаза и все сразу поняла.

– Поставь на место, – устало сказала она. – И уходи.

Отец суетливо закопошился около полки, поставил на нее икону, втянул голову в плечи и попятился к двери.

Лешка чуть не плакал, так было стыдно за отца. Что же это такое? Папка у него, на самом деле, хороший. Он, когда не был пьян, водил Лешку в разные интересные места: в планетарий, на разные выставки, в музей, где динозавры. Книжки ему читал. Играл с ним. Но когда выпьет – ужас какой-то, из дома бежать хочется.

Лешка пошел к себе. Отца опять не было. Мама села к окну что-то штопать, а Лешка опять к компьютеру.

Вечерело. В комнату через окно заползали сумерки. И тут зазвонил телефон. Мама взяла свой мобильник. Она почти ничего не говорила. Оглянувшись на нее, Лешка увидел, как меняется ее лицо.

Положив телефон на стол, мама заметалась по комнате, бестолково тычась то в шкаф, то в комод, то в тумбочку с документами.

– Мам, ты чего? – тревожно спросил Лешка.

– Твой отец... папа... – мама не смогла продолжать.

Она схватила Лешку за руку и потащила за собой. Через секунду они были уже у бабы Кати.

– Екатерина Евлампиевна, можно с вами Лешку оставить? Мне нужно отлучиться, – задыхаясь, проговорила мама.

– Валюша, что случилось? – баба Катя с тревогой смотрела на ее взволнованное лицо.

– Коля... Николай... Его машина сбила... В больнице... Туда с ребенком не пустят...

– Все серьезно? Сильно пострадал?

– Я не поняла... Позвонили... Надо идти...

– Да, конечно, милая. Я пригляжу за Алешей. Беги.

Мама ушла.

Лешка застыл, пытаясь осознать услышанное. Как же так? Что теперь? А вдруг папка умрет, что тогда? Как же они без папки? Ведь и мама, и Лешка любят его! Хоть он иногда и дурной бывает, но ведь они его любят! И мама тоже любит, – Лешка это точно знал. Не может он умереть! Нельзя, чтобы он умер.

А баба Катя уже направилась в угол, к своей старинной иконе.

– Алеша, посиди тихонько, пожалуйста. Я помолюсь о твоём отце, – бросила она через плечо Лешке.

И баба Катя опустилась на колени.

Но Лешка не мог сидеть спокойно: ведь надо же что-то делать, надо папку спасти!

Лешка посмотрел на бабу Катю. Он теперь видел ее профиль, видел взгляд, устремленный вверх, к иконе, видел, как шевелятся ее губы, беззвучно произнося молитву.

Баба Катя еще не зажигала в комнате свет, и сейчас, в сумерках, Лешке показалось, что лицо ее опять светится. Он, следуя за ее взглядом, посмотрел на икону. Раньше он ею никогда не интересовался, а теперь рассмотрел, что на ней – тетенька с ребенком на руках. Икона была совсем темной, трудно было разглядеть все, что на ней изображено. Только лица женщины и малыша выделялись светлыми пятнами. Тоже как будто светились. И Лешке показалось, что лица на иконе отражают свет, исходящий от лица бабы Кати... Или наоборот?.. Ее лицо отражает их свет?..

И тут Лешка понял, что надо делать. Вернее, не понял, а почувствовал. А скорее, даже не почувствовал, а будто кто-то его подтолкнул. Он подошел к бабе Кате и опустился на колени рядом с ней.

– Бог! – кричал он в душе, не произнося вслух ни слова. – Спаси папку! Не дай ему умереть! – вопила его душа.

Он повторял и повторял эти слова, пока баба Катя не обняла его тихо и не прижала к себе. И тут Лешка разревелся, прижимаясь к ней и громко всхлипывая. Его трясло, как в лихорадке.

Так они и сидели на полу незнамо сколько времени. Наконец, Лешка затих. Он вдруг почувствовал, будто что-то, какое-то покрывало укутало его и согревает, и успокаивает, и укрывает от бед. В него будто вошли мир и покой. И тут Лешка с полной, несомненной уверенностью подумал: «Ты есть! Ты слышишь меня! Ты pomoжешь! Ты не дашь папке умереть! Я верю в Тебя, Бог!»

Слово

Какое счастье – чудным весенним утром выбраться из загазованной Москвы за город, вдохнуть полной грудью еще холодный, пахнущий солнцем и каплей воздух, пройти по земле, пусть и влажной, но такой живой и податливой под ногами, а не по асфальту!..

Отец Андрей ехал в машине, битком набитой игрушками, детской одеждой, памперсами, сладостями, и предвкушал радость встречи с оживающей природой, и уже наслаждался пейзажами, ярким солнцем, быстрой ездой по хорошей дороге.

Молодой священник, всего лишь год как рукоположенный, он был назначен третьим иереем в большой московский храм. Еще в семинарии, а потом и в академии он мечтал о собственном приходе где-нибудь в провинции, близко к земле, к лесам и полям, где он будет с основания строить приходскую жизнь, соберет крепкую общину. Он мечтал о малых и, тем не менее, великих делах, которыми будет заниматься сам и призывать к этому своих прихожан.

Но все сложилось иначе: в этом московском приходе у него не было никакого авторитета, на его предложения никто не обращал внимания. От него требовалось только подчиняться двум старшим священникам, и все.

И тут вдруг спущенное сверху распоряжение – взять под крыло храма детский дом-интернат, где содержались больные дети. Заниматься этим поручили ему, как самому молодому и к тому же не обремененному делами прихода и большой семьей. Молодой и энергичный батюшка искренне радовался: наконец-то есть куда применить свои молодые силы и кипучую энергию, наконец-то есть у него дело.

Отец Андрей выяснил, что в этом интернате содержатся сто двадцать детей. Все они серьезно больны, у всех диагнозы – не приведи Бог. Тут и ДЦП, и тяжелые формы эпилепсии и гидроцефалии, и много другого, – батюшка и слов-то таких сроду не слышал. Многие дети прикованы к постели, они никогда не смогут встать на ноги, ходить. Выяснилось, что почти у всех питомцев интерната родители живы, – их бросили, от них отказались. Кто-то испугался трудностей, кто-то на самом деле не мог поднять такую ношу. Некоторых родственники навещали, а некоторые были оставлены всеми и навсегда. Вот такие маленькие страдалцы содержались в этом интернате.

Отец Андрей взялся за дело с энтузиазмом: собирал детские вещи с прихожан, добывал деньги у жертвователей, названивал в интернат, выяснял, уточнял, что им нужно в первую очередь, мотался по магазинам. И вот, наконец, он едет туда сам и везет горы подарков для детей и необходимых вещей для интерната. Для первого визита этого достаточно. А там – побеседует с персоналом, с малышами. Он даже написал себе шпаргалки, планируя, о чем будет говорить: он будет призывать их верить, молиться, надеяться. Расскажет разные истории об исцелениях из Писания и житий святых.

Сегодня служить там Литургию он, конечно же, не будет, а в будущем, возможно, получится и это. Но запасные дары с собой он все-таки взял – а вдруг кого-то срочно понадобится причастить. Хотя там еще придется разбираться, кто из детей крещен, а кто – нет.

Вез его на своей машине прихожанин Сергей Палыч, пожилой мужчина, веселый, добродушный и разговорчивый.

– Батюшка, как вы думаете, долго такая погода продержится? Вот бы подольше, прямо до Пасхи, – не ожидая ответа, разглагольствовал он. – Эх, красота-то какая! Как же здорово, что я вызвался везти вас. Как же хорошо за городом! Весна! Смотрите, снега уже совсем мало осталось, почти везде стаял. Завтра Благовещение. Не знаете, у нас в храме будут птичек на волю выпускать? Ох, как это приятно наблюдать, особенно детки радуются. Я своих всегда привожу.

– Простите, Сергей Палыч, разве ваши дети еще не выросли? – удивился отец Андрей.

- Да нет, что вы. Это я про внуков. А у вас, бабушка, детки есть? Много?
- Нет, к сожалению. Чем-то мы с матушкой Бога прогневили – не дает.
- Ну, какие ваши годы, еще, Бог даст, народятся.

Так за разговорами они добрались до поселка с поэтичным названием «Лебяжье озеро». Озера там они не обнаружили, но интернат нашли сразу. Они уткнулись в крепкие стальные ворота, а от них в обе стороны тянулся унылый серый забор, высокий, с плотно пригнанными досками. «Будто кто-то хочет закрыть от тех, кто там, за забором, внешний мир, – подумал отец Андрей. – Или их спрятать от людей, которые здесь, снаружи, чтобы люди не видели их и забыли об их существовании?»

Ворота открылись. Их глазам предстало унылое, тоже серое, двухэтажное казенного вида здание. Под стать забору. Слева от здания – сад, похоже, яблоневый, сейчас еще голый, тоже серый. Прямо через сад тянутся какие-то ужасные трубы, выкрашенные ядовито-оранжевой краской. Справа – две беседки. Спортивная площадка с футбольными воротами и низко подвешенными кольцами для баскетбола. Детская площадка с невысокой горкой и качелями. И нигде ни души... Очарование яркого весеннего дня пропало совсем. Отец Андрей даже поехал от этой серой неуютности.

Машина остановилась у входа в дом. Дверь открылась, и им навстречу вышла миловидная женщина лет сорока.

– Здравствуйте, здравствуйте! – Она, улыбаясь, шла к машине. – Добро пожаловать! Мы так рады, так рады, что и на наш интернат кто-то обратил внимание. Пожалуйста... Добро пожаловать... Входите... Проходите... – Она смутилась и замолчала.

Отец Алексей вышел из машины. Руки его были заняты двумя коробками, которые никуда не влезали и он всю дорогу держал их на коленях, в ногах же у него стояли большие упаковки памперсов, часть которых теперь вывалилась на дорожку, сметенная сутаной бабушки.

– День добрый, – стараясь быть бодрым и веселым, ответил он женщине. – Я – отец Андрей, а вы, я так понимаю, Елена Федоровна, директор этого заведения?

– Да, да. Пожалуйста, проходите. Добро пожаловать, – собирая с выложенной плиткой дорожки выпавшие из машины пакеты, говорила женщина.

Она открыла перед священником дверь. Он вошел в помещение. Поставил коробки у входа. Огляделся.

Внутри все было чистенько и аккуратненько. Вешалки с одежками. Ряды обуви стройными парами вдоль стен. Стульчики и скамеечки.

Елена Федоровна провела их в столовую, предложила распаковывать подарки здесь. Отец Андрей и Сергей Палыч перетаскали сюда все, что привезли. Отобрали упаковки, в которых вещи, которые они прямо сейчас будут раздавать детям, каждому ребенку – персонально.

– Ну, Елена Федоровна, с кого начнем? – приступил к делу отец Андрей.

– Давайте со старших, со второго этажа, – предложила она. – В первой комнате шесть мальчиков четырнадцати – шестнадцати лет.

И они принялись за дело. Заходили в комнаты, раздавали подарки, знакомились с детьми, беседовали с ними. Священник, выполняя свою миссию, рассказывал ребятам всякие библейские и житийные истории со счастливым концом, подбадривал их, иногда рассказывал что-то смешное. Отец Андрей облегченно вздохнул, когда они закончили обход комнат второго этажа. Все было не так страшно, как он ожидал. Да, конечно, было видно, что дети больные. Но все они самостоятельно передвигались, кто-то с большим трудом, кто-то легче, а некоторые и совсем свободно. Говорили вполне разумно, отвечали на вопросы, улыбались, радовались подаркам.

И в комнатах было вполне светло и уютно, если не считать количества кроватей в каждой – от пяти до десяти. Но кровати добротные и даже красивые, белье чистое. И все вокруг аккуратно прибрано, несмотря на большое количество жильцов. В холле – удобные диванчики

перед телевизором, на полу ковер, на ковре – подушки. Вот только почему-то здесь никого нет, все сидят по своим комнатам. Отец Андрей подумал, что играть в холле им не особенно разрешается: ведь нужно, чтобы везде был идеальный порядок.

Перешли на первый этаж. И тут... В первой же комнате, палате лежащих малышей, отец Андрей застыл в дверях. В зарешеченных кроватках лежали совсем еще маленькие детки, младенцы до года. «Детки в клетке», – была его первая нелепая мысль. У всех у них были уродливые тельца, у каждого – уродство свое. Мальчик совсем без ножек, девочка со страшно искривленным тельцем, мальчик с огромной головой... Это был шок... Отец Андрей с огромным трудом проглотил застрявший в горле ком и направился к ним. Он бережно прикоснулся к каждому: одного погладил по головке, другого потрепал по щечке, третьему пожал ручку. И малыши реагировали на ласку. Одни улыбались, другие, наоборот, кривили роты. Но, что удивительно, ни один не заплакал.

В других комнатах было не легче, только детишки постарше. Страшное зрелище. Скрюченные в немыслимых позах ребятишки, искаженные болезнью лица, которые по определению должны были бы походить на ангельские. И совсем невообразимо – некоторые плотно заперенаты в смиренные рубашки. Как объяснила директор, для их же безопасности, мол, они могут себя поранить.

Злость, гнев поднимались из глубины души отца Андрея. Кто виноват в том, что он здесь увидел? Кто-то же наверняка виноват!

Сценка в следующей палате его покорила, просто выбила из колеи. Женщина, видимо нянечка, держала на руках малыша лет трех и пыталась накормить его из бутылочки, а тот крутил головой, отворачивался. Она же ожесточенно совала соску ему в рот, приговаривая:

– Ешь! Да ешь же ты, нехристь!

– Как вы можете? – задохнулся от возмущения батюшка. – Как вы с ним обращаетесь?

Женщина испуганно устала на священника и выронила бутылочку. Отец Андрей выскочил в коридор. Остывая, он пожалел, что сорвал свой гнев на этой усталой старой женщине. Тоже мне! Нашел виноватую!

Наконец, последняя комната. Он вздохнул с некоторым облегчением. Здесь были девочки от семи до десяти лет, которые могли сами передвигаться в инвалидных колясках. Он вошел, огляделся. Девочки сидели в маленьких креслицах-каталках, каждая около своей кровати, и смотрели на него. Он подходил к ним по очереди, отдавал подарки, гладил по головкам, говорил какие-то ласковые слова. И вот перед ним малышка, девочка лет семи с искривленными ручками и ножками, казалось, сведенными судорогой. А на лице девчушки сияли огромные черные глазищи.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Машенька, – ответила девочка.

– На самом деле ее зовут Майда, но мы зовем ее Машенькой, – поправила сопровождавшая его Елена Федоровна. – Она таджичка. Сирота. Мать и отца скинхеды убили. Может, читали в газетах? Эта история наделала много шума.

У отца Андрея опять перехватило горло. Он придвинул к себе стул и сел рядом с девочкой. Он начал рассказывать ей и остальным об Иове многострадальном. Говорил он увлеченно и рассказывал увлекательно: сначала о том, как богато и счастливо жилось Иову, потом о его потерях и страданиях, о его страшной болезни и, наконец, об исцелении. Из всех сил старался, чтобы библейский рассказ был понятен маленьким девочкам, живущим в изоляции и мало что знающим о внешнем мире.

Но тут... у него зазвонил его мобильный. Он встал и отошел от девочки. Одна из прихожанок докладывала ему, что она нашла организацию, которая отдаст в интернат старые компьютеры, потому что они покупают себе новые. Он страшно обрадовался и тут же доложил об

этом Елене Федоровне. И они обсудили эту новость, и порадовались, что у детей будут компьютеры.

– Ну вот, и ты, детка, молись Богу, проси Его об исцелении и поправишься, – обернулся он к Машеньке, вспомнив, что прервался на полуслове. – Обязательно поправишься и сможешь и бегать, и прыгать, и играть...

Прошло не меньше полугодя, прежде чем отцу Андрею удалось выбраться в интернат еще раз. Теперь у него было много дел в Москве, на приходе. Оценив его энергичность, ему разрешили организовывать на приходе разные мероприятия. Нет, он не оставил вниманием эту юдоль детской скорби: он регулярно туда звонил, узнавал новости, беседовал с Еленой Федоровной, которая оказалась очень милым человеком, мягким и добрым.

Он посылал туда прихожан с разными необходимыми интернату вещами, многие, побывав там единожды, стали ездить регулярно: помогали чем могли, физически или просто общались с детьми, играли с ними, читали им книжки. Приходская молодежь даже поставила для детей спектакль по мотивам сказок Андерсена и показала его в праздник Преображения.

И вот осенью отец Андрей, наконец, нашел время и сам выбрался в интернат. Опять Сергей Палыч вызвался везти его, опять машина была загружена под завязку.

Выехав из Москвы, они любовались разноцветьем осени, такая красота была вокруг, что даже дух захватывало. Было тепло и солнечно – настоящее бабье лето.

Они ехали и чинно беседовали. О делах приходских, об обездоленных маленьких человечках из интерната, о жизни вообще. Отец Андрей рассказал о своих горестях: врачи вынесли вердикт его матушке Ольге – у нее никогда не будет детей. Супруга тяжело переживает это известие – даже заболела.

Подъехали к «Лебязьему острову», к знакомому серому забору, проехали через ворота. На этот раз территория интерната выглядела гораздо веселее. Унылые стены скрывались за яркими осенними деревьями, даже ужасные трубы вписались в гамму цветов осени, на площадках играли ходячие дети, в саду под деревьями сидели в креслах неходячие, в беседках грелся на солнышке народ из персонала.

Они вышли из машины, и тут к ним сразу же покатила одна из маленьких колясок – это была та девочка, которой священник рассказывал об Иове – Майда.

Она подъехала прямо к отцу Андрею, подняла на него свои огромные черные глазищи. Смотрела на него снизу вверх внимательно, испытующе. Девочка проговорила, даже не здороваясь:

– Дядя, зачем вы меня обманули? Я все время молилась, каждый день, как вы велели. А Бог не исцеляет! Когда же Бог меня исцелит? Когда я смогу ходить? Вы же обещали! – Она ждала ответа.

Отец Андрей застыл на месте, потеряв дар речи: ответить ему было нечего. Так и стоял столбом и молчал, а в голове голос: «Как ты мог? Как ты посмел бросаться такими словами? Практически обещал ребенку исцеление! Подал надежду, которой не суждено сбыться! Так жестоко обманул!..»

Все в его душе перевернулось в этот миг.

...С тех пор прошло несколько лет. Теперь отец Андрей служит в сельском храме в Тульской области. Он – настоятель. У них с матушкой Ольгой нет своих детей, но у них в семье – пятеро приемных, и у всех серьезные проблемы со здоровьем. Среди них и Майда, в крещении Мария, которую они удочерили первой.

Про любовь

До отхода поезда оставалось еще целых двадцать минут. Надежде не хотелось сидеть в душном вагоне – еще вся ночь впереди, и насидится она, и належится. Засунув чемодан под нижнюю полку, она вышла на перрон.

Надя с удовольствием согласилась на эту командировку в Москву: было необходимо вырваться из обыденной жизненной круговерти, нужно было обдумать все, принять, наконец, окончательное решение. Вернее, даже не принять решение, которое уже принято, а в душе согласиться с ним, смириться.

Саша, который уже два года пытался за ней ухаживать, – а она все старалась избегать его общества, – сделал ей предложение. Она ничего не ответила, попросила дать ей время – подумать.

Дело в том, что давно Саша ее любит, а она его – нет. Он, конечно, хороший, внимательный, заботливый, всегда готов помочь. Но... Есть еще Сережа, непутевый, берущийся за много дел сразу и ни одного не доводящий до конца. Он тоже говорит, что любит ее, но она в нем совершенно не уверена, не то что в Саше, надежном, спокойном, серьезном, хорошо зарабатывающем. А ей хотелось материальной обеспеченности, хотелось заниматься любимой работой, не оглядываясь на заработки. Детство в бедности, недостаток порой и необходимых вещей, да и молодость не особо сытая, – все это ей опостылело. А у Саши в перспективе – переезд в Санкт-Петербург. Питер... До недавнего времени об этом можно было только мечтать. А тут: замужество и переезд в культурную столицу!

Сережа же и сегодня, как всегда, отличился: обещал проводить ее, но в последний момент позвонил и сослался на ужасную занятость. И конечно же, не приехал. Да и замуж он ее не зовет. А ей уже двадцать восемь. Пора. Все ее подруги давно замужем и с детьми. И ей хочется жить своим домом, а не с родителями, хочется мужа, детей.

Правда, есть еще ее любовь. Она, несмотря ни на что, любит Сережу, легкомысленного, но обаятельного, эгоистичного, но по-детски наивного и простосердечного. Да и эгоизм-то его – скорее, эгоцентризм, как у ребенка, уверенного, что весь мир крутится вокруг него. Кроме того, она точно знает, что нужна ему, что она может ему помочь:

помочь сосредоточиться, помочь найти себя в жизни.

«Тьфу ты, – подумала она, – опять сбилась на жалость к нему, неудачнику. Почему я должна о нем думать, нянчиться с ним? Не хочу! Не буду! Пора подумать и о себе!» И Надежда заставила себя вспоминать, как она, кроме всего прочего, на Сережу сердита, не давая себе пойти на попятную: она убедила себя по возвращении из командировки ответить Саше согласием...

К вагону подошли трое: молодые мужчина и женщина и с ними мальчик лет пяти. Женщина показала проводнице билет, и все они прошли в вагон. Спустя пару минут они вернулись и остановились поодаль.

Женщина давала мужу, – а это, конечно же, был ее муж, – последние инструкции: что делать во время ее отсутствия. Надежда ими залюбовалась. Красивая пара и красивый ребенок. Она, яркая брюнетка, с кипой пушистых длинных волос, он, высокий блондин нордической внешности, и малыш, – что удивительно, похожий одновременно и на папу и на маму, таких разных, – симпатичный, живой. Видно, что мальчик грустит, жметесь к матери, тянет ее за рукав, вынуждая ее наклоняться к себе и что-то шепчет ей на ухо. Мать нежно гладит его, прижимает его головку к себе, тихо отвечает.

Наконец, голос из вокзального репродуктора провещал, что их поезд отправляется и провожающие должны покинуть вагоны. Надежда вошла внутрь, прошла в купе. Здесь никого не

было. Она села к окну, достала книгу. Когда поезд уже тронулся, в купе вошла та женщина, с перрона. В глазах ее стояли слезы.

Она села напротив, достала из сумочки носовой платок, аккуратно промокнула глаза, чтобы тушь на ресницах не размазалась. Грустно улыбнулась Надежде:

– Здравствуйте. Давайте знакомиться. Меня зовут Лида. А вас?

– Надежда. Здравствуйте.

Они какое-то время молчали, занимались своими делами. Надежда читала, Лида копалась в чемодане, что-то там искала. А потом разговорились. Рассказывали о себе. В поезде со случайным попутчиком легко говорить. Знаешь, что, скорее всего, больше никогда его не увидишь. Легко откровенничать.

Надежда рассказывала о своей работе и командировке, а потом и о своих личных проблемах. А Лида поведала, что ее мужа зовут Олегом. Они уже семь лет вместе, поженились почти сразу после того, как она закончила школу, а муж на три года старше нее. А сынишку зовут Костиком. Они все трое друг друга очень любят, они счастливы, всегда вместе. Она рассказывала и вся при этом просто-таки светила.

– Вы знаете, мой муж такой чудесный. Он меня до сих пор готов на руках носить. Я тоже его готова, да только он тяжеловат. – Она рассмеялась. – Олег все время что-то придумывает, чтобы порадовать меня: то в окно цветы каким-то чудесным образом бросит, – а мы, между прочим, на третьем этаже живем, – то какую-нибудь удивительную поездку придумает, то подарит что-нибудь совершенно неожиданное. А однажды мы собирались все вместе гулять, и они с Костиком вышли из квартиры чуть раньше. Я выхожу следом за ними, а они кричат «ура!» и отпускают в небо с десяток воздушных шариков. До сих пор не знаю, откуда они их взяли за те пять минут, пока меня не было. А Костик у нас такой фантазер. У него есть невидимый друг – черная пантера. Эта пантера всюду следует за ним, везде его сопровождает. И он в результате ничего не боится, представляете? Не боится оставаться один, не боится темноты, как многие дети, никого не боится в детском саду.

– А вы в Москву по делу или как? – спросила Надежда.

Лида погрустнела, вздохнула:

– В больницу ложусь, на операцию. Онкология у меня. Муж не мог поехать со мной, не с кем сына оставить. А всем вместе – что толку? И в больницу-то с ребенком не пустят. К тому же остановиться в Москве нам негде. Если гостиницу снимать – нам финансово не потянуть, дорого очень и неизвестно, насколько все это затянется. Так что придется мне справляться самой. Да это не страшно. Главное, чтобы все прошло хорошо. Мне очень нужно жить. Как я могу умереть, оставить их, мужа и сына? Ну как они без меня? И знаете, дело даже не в том, что Олег не справится. Он очень самостоятельный. Он все умеет, никакой женской работы не гнушается. Беда в том, что они меня очень любят... Вот так сказала! Это ж счастье, а не беда... Но они будут ужасно страдать, если я умру. Им будет очень больно. А за себя-то мне не страшно. У меня было семь лет такого счастья, что... Я даже и не знаю, что...

Она задумалась. Сидела молча и улыбалась.

– Когда вы в больницу ложитесь? – спросила Надежда. – Я в Москву на неделю, могла бы вас навестить. Дел у меня будет не очень много, время найдется.

– Да ложусь-то я сразу, прямо с вокзала и в больницу. Но навещать меня не надо, что вы, зачем? Вы ведь всего на неделю в Москву... И потратить время на больницу? Там же столько всего: музеи, театры, да и просто так по городу погулять... Нет, я не приму от вас такой жертвы.

Надежда не стала настаивать, навязываться. Они расстались утром на вокзале в Москве. И больше никогда не встречались. И Надежда не знала, что стало с Лидой: удачно ли прошла операция, жива ли она.

Но эта случайная встреча в поезде со счастливым светлым человеком решила ее собственную судьбу – она больше не сомневалась в том, какой сделать выбор. Она выберет не

надежность и любовь к себе, а любовь свою – она выберет Сережу. Она выберет не того, кто нужен ей для удобства ее жизни, а того, кому нужна она...

Они с Сережей вскоре поженились. Их совместную жизнь трудно было бы назвать легкой и безоблачной. Но она ни разу не пожалела о своем выборе. Всегда Надежде помогала ее Любовь. Ей помогал Сам Бог. Ведь Бог есть Любовь!

Природа радости

В середине службы Алена решила, что не останется до конца, уйдет после «Отче наш». Тем более что сегодня служба долгая, будет праздничный молебен. А у нее на сегодня запланировано много дел. Сначала – забежать домой, позавтракать.

Она была счастлива своей самостоятельностью. Меньше года назад закончив архитектурный, она работала в фирме отца, сама себя обеспечивала. Старшая дочь в семье, она первой отделилась, живет в бабушкиной квартире. А бабушка теперь на даче. Этот загородный дом теперь и дачей не назовешь – отец вложил туда много денег и все отлично устроил. Бабушке там хорошо...

Алена вышла из храма и направилась к дому. Впереди нее шла маленькая худенькая старушка. Алена сразу узнала ее даже со спины – их прихожанка. Они не были знакомы, но Алена знала ее в лицо. Она всегда любовалась этой старой женщиной, такой привлекательной даже в своей старости. Ее и старушкой-то назвать язык не поворачивался. Женщина хорошо, можно даже сказать, изысканно, стильно одевалась, у нее было ухоженное лицо, холеные руки, одним словом, явно следила за собой, несмотря на преклонный возраст.

Женщина вдруг пошатнулась и, вытянув вперед руки, спотыкаясь, подошла к стене дома и прислонилась к ней.

«Похоже, ей плохо», – подумала Алена. Мысли ее заметались: подойти или не подходить? Предложить помощь или неудобно?

Дело в том, что Алена была очень застенчивой девушкой. Внешность ее ничем не привлекала к себе взглядов, все было обычным: и глаза, и волосы, и лицо, – ничто не выделяло ее из толпы. Она не была глупой, но и не особенно умна, не была разговорчивой, но и не молчунья. И она считала себя дурнушкой. И всегда смущалась, краснела во время разговора, особенно с незнакомыми людьми.

В голове ее пронеслось недавнее воспоминание.

Она вспомнила старушку-нищенку. Алена часто ее видела и всегда, пробегая мимо, давала ей деньги. Это была замечательная старушка, с виду очень интеллигентная, хотя и крайне бедно одетая. Она обычно сидела недалеко от метро, в переулке, – приносила с собой раскладной тряпичный стульчик и усаживалась на него. Сидела, опустив голову, уставившись в землю. Когда кто-нибудь опускал монетки в ее пластиковый стаканчик, она голову поднимала, радостно и в то же время застенчиво улыбалась и говорила: «Благодарю вас». Если в кошельке Алены не было наличных, она, даже если очень торопилась, шла к банкомату у метро, снимала с карточки деньги и возвращалась к старушке: увидеть ее чудесную, по-детски радостную улыбку было для Алены благословением на весь день. Пару раз девушка даже делала круг по переулкам и еще раз подходила к бабушке и опустила в ее стаканчик горсть монет или бумажку.

Она часто думала об этой странной нищенке: удивительная она все-таки – побирается на улице, это ведь не от хорошей жизни, – а такая радостная. Ей очень хотелось заговорить с ней, расспросить, может быть, предложить какую-то более существенную помощь. Но она не решалась. Ну как она подойдет с расспросами, полезет в душу к незнакомому человеку?

И вот старушка эта пропала. Наверное, уже пару месяцев Алена ее не видела на обычном месте. Она очень, очень жалела, что не решилась с ней заговорить. Шанс сделать доброе дело, познакомиться с таким примечательным человеком был упущен...

А теперь все повторяется. Этой женщине, скорее всего, плохо, а она стесняется предложить помощь. «Стыд какой, – говорила она сама себе. – Ну-ка прекрати трусить, быстро иди к ней!» – «А дела? Ведь я из-за дел своих даже из храма раньше ушла», – нашептывал ей чей-то голос. – «Не смей искать отговорки, – строго приказала она себе. – Дела никуда не денутся».

И она – подошла.

– Извините, вам нехорошо? – краснея от смущения, заговорила она с женщиной. – Вам помочь?

Та страдальчески посмотрела на нее.

– Ох, деточка, голова что-то кружится, со службы пришлось уйти. А вы вроде в наш храм ходите? Кажется, я вас там видела.

– Да, да, и я вас там видела. Давайте я вам помогу, провожу вас. Где вы живете?

– Спасибо, дорогая. Тут совсем близко.

Алена взяла женщину под руку, и они медленно пошли. Ее подопечная пошатывалась, и Алене пришлось придерживать ее за талию.

Всю дорогу женщина сокрушалась, что не отстояла службу, не будет на молебне. Ведь сегодня праздник – Торжество Православия.

Они добрались до дома, вошли в подъезд. Дом был такой же красивый и ухоженный, как и эта женщина, которая здесь жила. Недавно построенный, с просторным светлым подъездом, с большими площадками перед квартирами, с цветами на окнах и какими-то репродукциями на стенах, – Алене было недосуг их рассматривать.

Поднялись на лифте на четвертый этаж.

– Вы уверены, – спросила Алена, – что готовы впустить меня в свой дом?

– Да, конечно, – ответила та.

Достала ключ, дала его Алене, чтобы та открыла дверь квартиры.

И внутри все было очень красиво и уютно, оформлено со вкусом и все будто с иголочки.

Алена помогла хозяйке снять пальто, усадила на диван в гостиной.

– Может быть, вам какого-нибудь лекарства? – спросила она.

– Да, да, там, на кухне у раковины, пузырек. Будьте добры, двадцать капель и немного воды. Спасибо вам большое.

Алена пошла на кухню, все сделала, как просила старушка, и принесла стакан с лекарством в комнату. Женщина выпила и откинулась на подушки.

– Вы знаете, я подозреваю, что дело в том, что я не позавтракала перед Литургией. Будьте так добры, похозяйничайте на кухне, пока я приду в себя. Вы ведь тоже, скорее всего, не ели? Вот и давайте позавтракаем вместе.

Алена опять отправилась на кухню. Она заварила чай, порылась в холодильнике и достала кабачковую икру, хумус, какое-то блюдо из цветной капусты, нашла на полке хлеб, крекеры и что-то там еще, накрыла стол на двоих и вернулась в комнату за хозяйкой.

– Как мне вас называть? – спросила Алена и первой представилась: – Я – Алена.

– Нина Ефимовна, – ответила та. – Что, пора на кухню?

Они сели завтракать и за завтраком разговаривали. Алена рассказала немного о себе и немного узнала о Нине Ефимовне.

У той два года назад умерла единственная дочь, умница, успешная бизнес-леди. Детей у дочери не было, и Нина Ефимовна получила после ее смерти большое наследство, в том числе и эту квартиру.

– Но зачем мне все это? Умерло мое единственное дитя... Я теперь совсем одна. Ее муж, вернее, вдовец, конечно, мне звонит и навещает, да подружки дочери не забывают, но это все не то. Если бы не вера, не храм, не Бог, я, скорее всего, сразу ушла бы вслед за ней. А так – держусь. Правда, сама не знаю зачем. – Женщина тихо заплакала.

«Удивительно, – подумала Алена, вспомнив ту нищенку у метро. – Улыбчивая радостная нищенка и плачущая несчастная богачка. И так в жизни бывает».

Алена пролепетала какие-то неловкие утешительные слова и заторопилась – дел у нее было действительно много на сегодня. Взяла номер телефона Нины Ефимовны, обещала звонить и, если что, навещать и помогать – ведь она живет совсем рядом.

Алена вышла на улицу и полной грудью вдохнула такой душистый весенний воздух. Ее вдруг охватила необыкновенная радость.

«А я-то чему так радуюсь? – удивлялась Алена. – Потому что я сделала что-то хорошее? Да ведь это пустяк, мелочь, подумаешь, человека до дома проводила! А может, потому, что преодолела себя, не струсилась и подошла? А, неважно. Главное, что на душе так светло».

Воспитание

рассказ матери

Вы говорите, что у меня выросли хорошие дети? Спрашиваете, как мне удалось воспитать их такими? А мне это и не удалось вовсе. Вернее, это не мне удалось. Божья помощь.

Когда у меня рос первый ребенок, мне казалось, что я все про воспитание знаю, все делаю правильно и поэтому такая замечательная у меня дочка. Со вторым ребенком появились сомнения: а так ли хорошо я все знаю? Правильно ли я все делаю? Ну а с третьим – полный провал. Я поняла, что ничего я в воспитании не понимаю.

Хотите, расскажу вам о моем младшем сыне? Хорошо, слушайте.

Сейчас ему двадцать пять. Он закончил институт, работает, женился. Мы с ним теперь очень дружны, он меня любит, уважает, относится ко мне очень бережно. Но что я с ним пережила, чего натерпелась! Чего мне стоило его вырастить! К тому же младших детей я растила одна, без мужа. Он, конечно, был где-то на периферии нашей жизни, но... В общем, одна растила.

Когда сын был маленьким, это был замечательно ласковый ребенок. Я – главный человек в его жизни, и все у нас было хорошо. И в начальной школе он оставался хорошим мальчиком, послушным, хорошо учился. Вот я и решила, что надо его из обычной школы перевести в гимназию. Он ведь мальчик, для него образование, а в будущем работа очень важны.

А в гимназии сразу же все пошло кувырком. Я не знаю, в чем дело, я так в этом и не разобралась, но он сразу скатился в учебе. То ли ему было трудно, а с усидчивостью – плоховато, то ли уже достаточно повзрослел и воли захотелось, то ли просто не хотел больше быть хорошим, – одним словом, уже в пятом классе он стал регулярно прогуливать школу, учился все хуже и хуже, появились тройки, затем двойки, а к седьмому классу, похоже, совсем учиться перестал: уже в начале учебного года нарисовались две двойки в четверти.

Я отчаянно боролась: разговаривала с ним, провожала его в школу, проверяла домашние задания, делала уроки вместе с ним. Очень не хотелось уходить из гимназии. Я постоянно общалась с учителями – вызывали чуть ли не каждую неделю. А когда две двойки в четверти – вызвал меня к себе уже директор. Он популярно объяснил мне, что мой сын учебу в гимназии не тянет. Но удалось уговорить его не выгонять сына до конца учебного года, пообещать, что если к концу седьмого класса дела наши не поправятся, я своего лентяя из гимназии заберу.

И я продолжила свою борьбу с сыном за его хорошее образование, за место в гимназии. Но дела так и не поправились, и я перевела его в обычную, без затей, школу рядом с домом.

И восьмой класс стал для меня просто кошмаром. Мало того, что сын не учился и прогуливал, у него появились новые друзья, с которыми он начал выпивать и научился курить. А ему было всего четырнадцать! Он даже в милицию попадал: за распитие спиртных напитков в общественном месте. Одним словом, как говорят, совсем от рук отбился.

Что я только не делала! Тут были и кнут, и пряник, и походы к психологу, и, конечно, молитвы. А он к тому времени в храм уже и на праздники перестал заглядывать, не то что исповедоваться и причащаться.

Однажды, убирая в его комнате, я наткнулась на тетрадь, которая лежала на его столе. Не знаю, никогда у него не спрашивала, случайность это была, или он намеренно ее там оставил. Вообще ни разу не упомянула ему, что я это прочла... Наискосок разворота в тетрадке было написано, таким красивым шрифтом, ярко и жирно: «Я ненавижу свою мать».

Что со мной было, я и описать вам не могу. На всю жизнь в моем мозгу отпечаталась эта надпись... Но сыну я ничего не сказала.

И вот уже класс девятый. В конце должны быть экзамены, по результатам которых он либо остается в школе, идет в десятый, или уходит неизвестно куда. А он по-прежнему не учится. Теперь и со мной ведет себя отвратительно: грубит, даже кричит на меня, а еще и деньги у меня стали пропадать.

В этот период все мои исповеди у духовника превратились в сплошной стон и плач. Я все пыталась понять, что я делала неправильно, в чем виновата. А батюшка, надо отдать ему должное, все время меня утешал. Он говорил, что моя любовь, мое воспитание в православии, то, что причащала его с младенчества, – все это должно принести свои плоды, надо только подождать, потерпеть.

В середине учебного года он заболел – подхватил грипп. Болел тяжело, с высоченной температурой. А надо сказать, с этим у нас с самого младенчества были проблемы: температуру почему-то было очень трудно сбить. Глокает жаропонижающие, а она не снижается.

И вот, мечется он в жару, весь красный, глаза лихорадочно блестят, такой несчастный. И в какой-то момент задремал. Я села рядом с ним, смотрю на него, жалко его, несмотря ни на что, а сделать ничего не могу.

И тут, прямо у меня на глазах... Ужас... Страшно вспоминать... Его начинают бить судороги, из горла вырывается нечеловеческий вопль, пена изо рта... Эпилептический припадок... Я видела такое и, слава Богу, знала, что надо делать... Не растерялась... Потом вызвала «скорую»...

А он пришел в себя и ничего не помнит. Я ему рассказываю, а он мне не верит, так и говорит: врешь ты все!

Приехала «скорая», хотели забрать в больницу. Я не отдала.

Он поправился от гриппа, и обычная его веселая жизнь продолжилась. Пил, гулял, прогуливал школу, учиться не хотел.

Спустя пару недель сидит он за компьютером, играет в какую-то стрелялку. Вдруг слышу грохот из его комнаты. Вбегаю, а он на полу опять в судорогах бьется. Но и в этот раз он ничего не помнит и не верит мне. Только боли в теле и синякам удивляется. Идти к врачу и обследоваться отказывается, говорит: ничего не было, ты все придумала. В следующий раз уже все произошло вне дома, когда он был с друзьями. Хорошо хоть они не очень испугались. Когда очухался, привели его домой. Вот когда ему рассказали об этом дружки, описали, что было, во всех подробностях, он, наконец, поверил. Согласился пройти обследование.

И опять я сражаюсь, теперь уже с его болезнью. Сначала – поиск хорошего врача. Всех знакомых на ноги поставила. Нашли хорошего, но платного. Деньги нужны – в долги влезла, потом два года расплачивалась. Прошел он всякие обследования: и простые, и сложные – все дорогостоящие. Диагноз поставили: эпилепсия.

Дальше – подбор лекарства. Одно – не подошло, второе – тоже что-то не так. Наконец, на третьем остановились. Ему от врача – куча всяких рекомендаций: чего нельзя делать, что припадки провоцирует. В частности: нужно полностью исключить алкоголь и курение. Слава Богу, сын в достаточной мере испугался, чтобы послушаться доктора. Итак, в тринадцать он пить и курить начал, а в пятнадцать ему пришлось все это бросить. И в результате дружки прежние куда-то подевались – неинтересно им с ним стало, да и впечатление от припадка, который был у них на глазах, тоже, я думаю, сыграло свою роль.

Но проблемы с учебой никуда не делись. В учебе отстал он сильно. Мы в школе скрывали его болезнь, благо, там припадков ни разу не было.

Еще надо рассказать вам о его классной руководительнице. Она принимала очень активное участие в воспитании моего сына. Это выражалось в том, что она его постоянно ругала, выгоняла, звонила мне и рассказывала, какой он у меня ужасный.

Однажды она просто на него напала. Не помню точно, за что, но, кажется, он, не заметив ее, выругался матом... Да, да... Именно так и было...

Она схватила его, что называется, за грудки и начала трясти изо всех сил, он аж стучался головой об стенку. А он даже не сопротивлялся. Наверное, неудобно было – женщина ведь. А может, растерялся – его никто никогда не бил.

Он был потрясен происшедшим, все мне рассказал, а едва рассказ закончил, у него случился очередной припадок. Я сгоряча учительнице позвонила и сказала все, что о ней думаю. Пришлось рассказать и о болезни.

И начались новые мытарства. Сначала меня вызвала классная руководительница. Она пыталась понять, не собираюсь ли я на нее жаловаться куда-нибудь. Поняв, что нет, – успокоилась. Вернее, я думала, что успокоилась и инцидент исчерпан. Но я ошиблась. Пару дней спустя меня вызвали к директору и предложили сына из школы забрать. Классная руководительница заявила директору: или я, или он. Директриса страшно извинялась, – надо сказать, хорошая женщина, понимающая, – но она ничего не могла поделать: учителей не хватает, она не может расстаться с опытным преподавателем.

В общем, опять пришлось уговаривать, чтобы хотя бы год дали закончить. И до конца учебного года я боролась уже за сына с преподавателями, которые дружно на него ополчились. Были какие-то педсоветы, собрания, вызовы к разным учителям, хотя теперь все было гораздо лучше: и прогуливать он перестал, и учиться начал.

В результате экзамены сдать удалось ему вполне прилично: я сама с сыном много занималась, и он мне подчинился, сидел, слушал, решал задачки и примеры по математике, писал диктанты. В общем, к экзаменам я его подготовила. А там и решение нашлось: пошел он в десятый класс, и в другую школу переводить не понадобилось – согласилась взять его в свой класс, параллельный, другая учительница.

Как-то вечером читала я вечернее правило, и вдруг обнаружила себя сидящей на кровати, молитвослов на коленях, а я плачу. Даже и не помню, дочитала я молитвы до конца или нет. Что же такое, думаю. Не одно, так другое. То проблемы с учебой, то с поведением, то со здоровьем. Тут входит в мою комнату сын.

Увидел мои слезы, сел рядом на кровать и говорит: «Мам, ну что ты?.. Не плачь... Если ты из-за учебы моей – то ведь все обошлось. Не волнуйся, школу я закончу нормально. Ну а если из-за болезни – то рассуди сама. Я бросил пить и курить из-за нее, сама собой отпала дурная компания. Да и припадки все реже и реже, может, лекарства помогут, и они совсем прекратятся. А самое главное, если бы не болезнь моя, я бы никогда не понял, что ты мой самый верный, самый лучший друг».

О современной молодежи

Очень многие считают, что современная молодежь бездуховна, безнравственна, ничем не интересуется, что все молодые дурно воспитаны – хамы. Не знаю, где люди встречают такую молодежь.

Мне, например, попадаются совсем другие, и современные юноши и девушки очень мне нравятся. Я постоянно сталкиваюсь с их добротой и отзывчивостью, часто вижу в них желание помочь ближнему. Взять хотя бы волонтерское движение. В нем ведь в основном молодые. Куда нам, старикам, – силы уже не те. А они помогают в больницах и детских домах, учат кого-то бесплатно, кидаются на помощь, когда где-то происходят наводнения, пожары и другие бедствия. Да и сбор денежных средств: откуда у нас, у пенсионеров, деньги? Это все дела молодых.

Хочу рассказать о нескольких почти незаметных происшествиях из моей жизни и жизни самых близких мне людей, таких мелочах, которые, я думаю, происходят с каждым и чуть ли не каждый день.

Я везла своего шестилетнего внука с каких-то занятий домой. Мы вошли в трамвай. Велев ему пролезть под турникетом, я приложила свою карточку к панели, а мой малыш, пролезая, задел рюкзачком железку, и она провернулась. Я остановилась в растерянности. Наличных в кошельке – ни копейки, билет купить не могу, а карточка вновь сработает только минут через десять. И вот он там, в вагоне, а я – на передней площадке. Стою, глазами хлопаю, судорожно соображаю, что делать. И тут сзади протягивается рука с карточкой, загорается зеленая стрелка, мол, можно проходить, а сзади еще и вежливый молодой голос подтверждает: «Проходите, пожалуйста». Оглядываюсь – молодой человек приятной наружности, улыбается, кивает головой. «Проходите, пожалуйста», – повторяет он, обращаясь ко мне. Я благодарю, прохожу... Подъезжаем мы к своей остановке, идем к двери. У дверей на выход стоит другой юноша, одет, мягко говоря, экстравагантно. Ярко, броско, и на голове что-то неопишное. Смотрю на него, люблюсь, улыбаюсь, удивляюсь. Трамвай останавливается, юноша выходит, оборачивается и... подает мне руку, помогая выйти, а другую руку подает внуку... Так тепло и хорошо было на душе у меня весь этот день.

Другой случай. Поднимаюсь я из подземного перехода, и вдруг прямо на лестнице падаю. Хорошо, что вперед, на колени, а не скатилась вниз. Охаю, стоню, или стою, или как там правильно... Начинаю подниматься, и почему-то так легко у меня это получается: двое молодых людей берут меня под руки и ставят на ноги. Один спрашивает, не сильно ли я ушиблась, другой – не нужно ли меня проводить. Говорю: все нормально, я сама справлюсь, ушиблась не сильно. Они все же под руки доводят меня до верха лестницы и идут дальше по своим делам. Идут в разные стороны. Они не знакомы. Просто одновременно двое молодых людей, проходящих мимо, кинулись мне на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.